

Дискуссионный клуб

Научная статья

УДК: 34.01

DOI:10.17323/2072-8166.2023.2.213.240

Манипулирование юридическими целями: понятие и признаки

Михаил Алексеевич Куликов

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Россия, 119454, Москва, просп. Вернадского, 76, e-mail: Mikhail.a.kulikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0978-0141>

Аннотация

Сложившиеся реалии свидетельствуют, что манипулирование как востребованное и весьма распространенное средство воздействия на общественные отношения активно используется и в процессе правового регулирования. Это не может и не должно игнорироваться специалистами как общей теории права, так и отраслевых юридических наук. В статье обосновывается, что манипулирование юридическими целями является самостоятельным видом правомерного поведения, изучение которого позволит не только существенно обогатить инструментальную теорию права, но и значительно повысить действенность механизма правового регулирования, разнообразить традиционные подходы к анализу юридических целей и средств и их потенциала, равно как и распознавать недобросовестное использование юридических средств в достижении манипулятивных юридических целей. Особое внимание уделяется исследованию манипулирования юридическими целями как явления, имманентно присущего регулированию общественных отношений, его природы, содержания, признаков и последствий. Автором обосновывается позиция, что манипулирование юридическими целями — это форма правомерного поведения, несмотря на то, что достижение целей манипулятора осуществляется в ущерб интересам объекта манипулирования. основополагающим методом исследования выступила материалистическая диалектика, которая позволила обосновать гетерогенную природу манипулирования юридическими целями и ее роль в обеспечении баланса интересов личности, общества и государства. Формально-юридический метод в сочетании с законами логики и струк-

турно-функциональным подходом использовались при формулировке авторских дефиниций. Также активно применялись положения герменевтики и различные технологии интерпретации текстов нормативно-правовых актов, методы анализа и синтеза, дедукции и индукции. Сформулирован вывод, что хотя манипулирование юридическими целями трансформирует потребности и интересы участников правоотношений в угоду позиции субъекта управления и вводит объект манипулирования в заблуждение, оно выступает социально-обусловленным способом воздействия на участников правоотношений, соответствует законодательству и позволяет реализовать непопулярные решения. Подчеркивается, что манипулирование юридическими целями нуждается в дальнейшем исследовании.

Ключевые слова

правовое регулирование; манипулирование; юридическая цель; юридическое средство; правоотношение; норма права; правотворчество; реализация права.

Для цитирования: Куликов М.А. Манипулирование юридическими целями: понятие и признаки // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 2. С.213–240. DOI:10.17323/2072-8166.2023.2.213.240.

Discussion Club

Research article

Manipulation by Means of Legal Goals: Concept and Characteristics

Mikhail A. Kulikov

MGIMO University, 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow 119454, Russian Federation, Mikhail.a.kulikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0978-0141>

Abstract

The current legal realities convincingly indicate that manipulation as a widely spread means of influence upon social relations is also actively used in the process of legal regulation, which cannot and should not be ignored by researchers in the field of general theory of law as well by other legal scholars. The article substantiates that manipulation by means of legal goals is an independent type of lawful behavior, the study of which will not only significantly enrich the instrumental theory of law, but also increase the effectiveness of the mechanism of legal regulation, diversify traditional approaches to the analysis of legal goals and means and their potential, and facilitate recognizing unfair use of legal means in achieving manipulative legal goals. Particular attention is devoted to the study of the manipulation by means of legal goals as a phenomenon inherent to regulation of social relations, its nature, content, signs and consequences. On specific examples, the position is substantiated that the manipulation by means of legal goals is a form of lawful behavior, despite the fact that the achievement of the goals

of the manipulator is carried out at the expense and to the detriment of the interests of the object of manipulation. The fundamental method of the research was materialistic dialectics that has made it possible to substantiate the heterogeneous nature of the manipulation by means of legal goals and demonstrate its role in balancing the interests of the individual, society and the state. The formal legal method in combination with the laws of logic and the structural-functional approach were used in formulating the author's definitions of manipulation as a generic concept, as well as in defining manipulation by means of legal goals as an independent legal category. The author actively used the provisions of hermeneutics and various technologies for interpreting the texts of legal acts, methods of analysis and synthesis, deduction and induction, abstraction and analogy. The conclusion is that despite the fact that the manipulation by means of legal goals transforms the needs and interests of the participants in legal relations in favor of the position of the subject of management, misleads the object of manipulation and impedes the effective functioning of the mechanism of legal regulation, it is a kind of response to the request of society as well as socially conditioned way of making impact on participants in legal relations. It also complies with current legislation and allows to realize unpopular decisions. It is emphasized that the manipulation by means of legal goals needs further research.

Keywords

regulation; manipulation; legal goal; legal means; legal relationship; legal norm; lawmaking; implementation of legal norms.

For citation: Kulikov M.A. (2023) Manipulation by Means of Legal Goals: Concept and Characteristics. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 16, no. 2, pp. 213–240 (in Russ.). DOI:10.17323/2072-8166.2023.2.213.240.

Введение

Исследование природы и признаков манипулятивного воздействия на общественные отношения практически не проводится в сфере как общей теории права, так и отраслевых юридических наук. Традиционно оно осуществляется через призму психологических, социологических или управленческих подходов. Вместе с тем есть все основания полагать, что анализ манипулирования как весьма распространенного средства воздействия на общественные отношения, в том числе и посредством использования правового инструментария способен существенно обогатить общую теорию права давно востребованным изучением как самого феномена манипулирования, так и способов его использования именно в сфере правового регулирования.

Значимость и давно назревшая необходимость изучения манипулирования целями в правовом регулировании позволит:

расширить и существенно обогатить традиционные подходы к анализу юридических целей, истинных причин их возникновения, способов формулирования и выражения в языке юридических документов;

минимизировать постановку юридических целей, заведомо не отвечающих потребностям и интересам участников правоотношений, не отражающих их истинные намерения;

распознавать недобросовестное использование юридических средств в достижении манипулятивных юридических целей, что будет способствовать повышению как действенности механизма правового регулирования, так и общего уровня законности и правовой культуры общества;

выявить латентные, но при этом злободневные проблемы, при решении которых используются манипулятивные технологии;

повысить уровень доверия как к органам публичной власти, так и к праву как важнейшему и универсальному средству, способствующему реализации интересов участников правоотношений.

Объектом исследования является правовое регулирование общественных отношений, а также юридические цели и средства как его сущностная основа. Предметом работы выступает манипулятивное использование юридических целей в процессе правового регулирования, природа и специфика данной формы правомерного поведения.

В качестве ключевых целей, достижение которых обусловило проведение исследования, выделим следующие: на основе анализа сущности и признаков манипулирования как родового понятия и востребованной формы воздействия на общественные отношения раскрыть природу и специфические особенности манипулирования юридическими целями в процессе правового регулирования и доказать, что указанная разновидность манипулирования широко применяется и нуждается в глубоком общетеоретическом анализе; обосновать, что манипулирование юридическими целями (в отличие от иных форм и разновидностей манипулятивного воздействия на общественные отношения) является правомерным поведением, которое обусловлено диалектикой сосуществования интересов личности, общества и государства и выступает социально обусловленным способом реализации правомерных стремлений участников правоотношений; на основе анализа технологий манипулятивного использования юридических целей изучить последствия данной формы правомерного поведения и его негативное влияние как на действенность механизма правового регулирования, так и на обеспечение национальной безопасности российского государства.

В качестве основной гипотезы исследования предлагается тезис, что манипулирование юридическими целями является осуществляемой при помощи скрытой тактики или стратегии форму правомерного поведения, заключающуюся в постановке или использовании юридических целей в интересах субъекта управления (манипулятора) вопреки

истинным потребностям и интересам объекта управления (манипулируемых).

Безусловно, манипулятивное воздействие на общественные отношения в целом и манипулирование в процессе правового регулирования в частности осуществляется далеко не только посредством постановки, формулирования и использования юридических целей. Вместе с тем данная разновидность манипулирования считается наименее исследованной как в теории права, так и отраслевых юридических науках. В связи с этим предмет настоящего анализа ограничен изучением манипулирования юридическими целями в процессе правового регулирования общественных отношений.

1. Манипулирование как востребованная форма воздействия на общественные отношения: постановка проблемы

Традиционно термин «манипуляция» трактуется как одно из древнейших средств достижения целей человеческой деятельности, стремление изменить восприятие или поведение других людей при помощи скрытой, обманной или насильственной тактики [Столяренко А.М., Сердюк Н.В. и др., 2019: 75–89]. Е.Л. Доценко под манипулированием понимает «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [Доценко Е.Л., 1997: 18].

Под манипуляцией также понимают форму духовного воздействия, скрытого господства, управления людьми, осуществляемого ненасильственным образом [Бессонов Б.Л., 1971: 64]; скрытое принуждение, программирование мыслей, намерений, чувств, отношений, установок, поведения [Massa L., 2022]; [Шиллер Г., 1980: 34]; скрытое применение власти вразрез с предполагаемой волей другого [Goodin R., 1982: 14]; [Sirazetdinova M., Stoletov A. et al., 2021: 103–123]; такое неявное воздействие на адресата, при котором последний, сам того не осознавая, изменяет свои цели исходя из потребностей субъекта власти [Wilson P. et al., 1996: 116] и т.д.

Практически все авторы упомянутых определений трактуют манипулирование как психологический феномен, что не лишено оснований [Малько А.В., Субочев В.В., 2021: 163–180]. Так, Т. ван Дейк подчеркивает, что психологическое воздействие присуще любой из форм манипуляции, являющей собой разновидность коммуникативной практики и практики взаимодействия, при которой манипулятор контролирует других лиц, как правило, против их воли и вопреки их интересам [Dijk T., 2006: 359–383]; [Dijk T., 2001: 95–120].

Вместе с тем полагаем, что манипулирование – прежде всего управление, а психологическое и иное скрытое воздействие на объект манипулирования является лишь формой последнего. Обоснована позиция В.П. Шейнова, который подчеркивает, что манипуляция — это скрытое управление, при котором инициатор достигает эгоистических целей, нанося ущерб адресату воздействия (в отличие от открытого (явного) управления, при котором его цель доводится до адресата). Автор подчеркивает, что при скрытом управлении адресату дается такая информация, исходя из которой он принимает решение (выполняет действие), запланированное инициатором [Шейнов В.П., 2022: 8–9]. Таким образом, эгоистический характер целей субъекта манипулирования заключается в том, что он реализует свои стремления за счет интересов объекта манипулирования и в ущерб им, мотивируя последнего к заранее продуманному субъектом варианту поведения.

Целесообразно выделять следующие признаки манипулятивного воздействия на общественные отношения.

Манипулирование — это разновидность управления, субъект-объектные отношения, складывающиеся в социокультурном поле.

Манипулирование предполагает скрытое воздействие субъекта на объект, при котором истинные цели субъекта (манипулятора) объекту (манипулируемому) не известны. Как подчеркивал Г. Шиллер, «для достижения успеха манипуляция должна оставаться незаметной. Успех манипуляции гарантирован, когда манипулируемый верит, что все происходящее естественно и неизбежно» [Шиллер Г., 1980: 35].

Манипулирование предполагает приоритетное удовлетворение интересов манипулятора, полностью либо частично игнорируя потребности и интересы объекта управления. В любом случае манипулирование осуществляется путем воздействия на интересы объекта с учетом его потребностей. Однако в задачи манипулятора входит изменение самих потребностей или интересов объекта управления в русле поставленных субъектом управления целей, создание видимости управления (воздействия) в интересах управляемого. Манипулятивное воздействие осуществляется не в интересах объекта управления, что тем не менее не исключает того, что цели субъекта и объекта манипуляций как правило совпадают (так как потребности и интересы объекта манипуляций подверглись «координирующему воздействию» манипулятора). Таким образом, манипуляция — часть технологии власти, не предполагающей воздействия на поведение «друга» или «партнера»: лица, сознанием которых манипулируют, воспринимаются не как личности, а как объекты, вещи *sui generis*.

Манипулирование — это вид воздействия на поведение объекта, требующий от субъекта специфических навыков. Под ними подразумеваются управленческие способности и высокая квалификация манипулятора (иначе управленческие решения будут «спускаться сверху» или навязываться помимо интересов самого объекта управления), в том числе его знания, владение ситуацией, умения использовать ресурсы (правовые, политические, финансовые, информационные и др.) для реализации своих целей и одновременной мотивации объекта манипулятивного воздействия к соответствующему поведению.

Манипулирование предполагает использование лишь социально обусловленных, востребованных средств воздействия на поведение субъекта общественных отношений и не должно вызывать противодействия с его стороны.

Перечисленные признаки манипулятивного воздействия позволяют утверждать, что данная разновидность управления предопределена ходом общественного развития и является социально-обусловленной, востребованной практикой управления. В.В. Субочев подчеркивает, что современное общество демонстрирует устойчивый и ярко выраженный запрос на манипулирование как политическими, так и правовыми средствами, благодаря которому возрастает действенность управления и последнее осуществляется методами, не вызывающими отторжения у участников общественных отношений. В силу сказанного «винить в повсеместном распространении политико-правовых манипуляций некого, данный процесс — это лишь своеобразный общий знаменатель сложившейся структуры управления в обществе, квинтэссенция процесса принятия управленческих решений любого масштаба в условиях тотальной либерализации».

Действительно, в условиях всепоглощающей борьбы за права и свободы человека и гражданина, являющихся и провозглашенных высшей ценностью, открытое и бескомпромиссное доминирование субъектов управления становится либо неэтичным, либо невозможным. Это заставляет прибегать к неявным приемам управления, которые, в большинстве своем, и являются манипулятивными технологиями [Субочев В.В., 2021: 30, 31].

Своеобразный запрос на манипулирование выражается и в том, что на смену подавлению воли объекта управления приходит трансформация его потребностей и интересов при помощи СМИ и иных технологий с одновременным провозглашением прав, свобод и законных интересов субъектов правоотношений важнейшими цивилизационными ценностями. Сказанное объясняет широкое распространение манипулятивных технологий и их использование в самых разных сферах общественной

жизни [Моисеева А.В., 2022: 43–45]; [Кихтан В.В., Мамиева Б.Ю., 2018: 236–242]; [Татаринов К.А., Музыка С.М., 2020: 179–182]; [Калинич В.С., 2021: 164–173]; [Щеглов А.В., 2019: 335–339].

Вместе с тем манипулирование, будучи скрытой формой воздействия на поведение участников общественных отношений, заключающейся в подмене целей объекта управления целями субъекта управления, не тождественно обману. Субъекты манипулятивного воздействия не ставят целью обман контрагента, сообщение ему ложной информации, что в конечном счете может быть раскрыто и использовано против самого манипулятора. Манипуляция намного тоньше — она видоизменяет цели объекта управления, заставляет его искренне желать вести себя в соответствии с установками субъекта управления, полагая, что требуемый вариант поведения оптимален.

Иными словами, манипулирование и обман — принципиально различные формы поведения субъекта управления.

Манипулятивное воздействие (по крайней мере осуществляемое посредством юридических целей, равно как и юридических средств) следует отличать от противоправной активности. Не всякое неэтичное поведение, равно как и не каждая разновидность манипулирования с необходимостью образуют состав правонарушения; использование современных манипулятивных технологий — яркое тому подтверждение. Воздействие на потребности и интересы субъекта общественных отношений с использованием не запрещенных законом методов и средств — правомерное поведение, морально-этические характеристики которого требуют отдельного изучения.

Исходя из сказанного, под манипулированием имеет смысл понимать осуществляемое при помощи скрытой тактики или стратегии воздействие на поведение объекта управления, при котором он, исходя из доступной ему информации, добровольно принимает решение, запланированное субъектом управления вопреки своим истинным потребностям и интересам.

Манипулятивное воздействие на социальные процессы допустимо изобразить в виде системы, в которую входят следующие структурные элементы: субъект манипулирования (осуществляющий управленческое воздействие, цели которого достигаются в ущерб интересам иных участников общественных отношений); объект манипулирования (за счет добровольного поведения которого и достигаются цели манипулятора); содержание (предмет) манипулирования (требуемое поведение участника общественных отношений); результат манипулирования (достижение целей манипулятора посредством координируемого и добровольного поведения объекта манипулятивного воздействия). Следует

отметить, что результат манипулирования не всегда означает достижение целей манипулятора (т.е. является успешным), и может заключаться как в осознании объектом манипулятивного воздействия своих истинных потребностей и интересов и противодействии манипулированию, так и в том, что манипулирование вышло за рамки координируемого процесса и привело к не запланированным обеими сторонами последствиям.

Безусловно, манипулирование юридическими целями имеет отличительные черты, которые, отражая специфику манипулирования в целом, адаптируют ее к правовой сфере, наполняя особым содержанием.

2. Юридическая цель как инструмент манипулятивного воздействия: теоретико-правовой анализ

Исследование категории «юридическая цель», несмотря на множество исследований, посвященных ей, сталкивается со значительными трудностями как методологического, так и онтологического характера. Наиболее острыми аспектами, которые «подогревают» дискуссию и препятствуют созданию полноценной, непротиворечивой теории юридической цели выступают следующие вопросы.

Насколько полно юридическая цель воплощает в себе ключевые признаки цели как родовой категории? (Справедливо замечание В.П. Казимирчука, что общие законы и категории философии не переходят в правовую науку в готовом виде, но происходит их наполнение более конкретным содержанием, своеобразная адаптация к правовой науке [Казимирчук В.П., 1965: 45–46]). Данный тезис нашел развитие в трудах А.В. Малько, подчеркивающего, что цель как философская категория в правовой сфере наполнена особым содержанием, отличается от других видов общественных целей специфическими свойствами [Малько А.В., 2011: 15].

Как формируется цель в правовом поле, каковы ее признаки и насколько обоснованно говорить о целеполагании как особом интеллектуальном процессе коллективных субъектов права?

Следует согласиться с точкой зрения А.В. Малько и К.В. Шундикова, отмечающих, что важность исследования категории «юридическая цель» заключается в том, что подобный анализ позволяет глубже уяснить сущность, внутреннюю логику и назначение как правовой системы в целом, так и отдельных юридических явлений; осознать социальную ценность права как важнейшего средства управления обществом и реализации интересов участников правоотношений; выяснить причины

противоречий между юридическими предписаниями и субъективными мотивами поведения; выработать оптимальную тактику правотворческой и правореализационной деятельности, а также решить целый ряд проблем, связанных с эффективностью действия права.

Сказанному есть очевидное объяснение, сформулированное В.Д. Зорькин, подчеркивающим, что «общеизвестный термин «юриспруденция» уже в своем корне содержит «предвидение», т.е. говорит нам об одном из свойств права — его перспективности (проспективности)» [Зорькин В.Д., 2020: 8]. Другими словами, цель как идеальная модель будущего результата пронизывает собой всю правовую жизнь общества, координируя деятельность участников общественных отношений.

Анализ проблематики позволяет прийти к выводу, что наиболее удачное определение юридической цели трактует последнюю как идеально предполагаемую и гарантированную государством модель какого-либо социального явления, состояния или процесса, к достижению которого при помощи юридических средств стремятся субъекты правотворческой и правореализационной деятельности. Авторы определения подчеркивают, что понятием «юридическая цель» они охватывают как цель в праве (официальный ориентир законодателя, отраженный прежде всего в юридических нормах), так и цель в юридической практике (субъективные ориентиры конкретных участников правореализационного процесса), предполагая, что они совпадают [Малько А.В., Шундигов К.В., 2003: 42, 43].

С приведенной позицией вполне можно солидаризироваться за исключением того, что юридическая цель — гарантированная государством модель явления, состояния или процесса. «Модель», гарантируемая государством — не вполне удачная фразеологическая конструкция в том смысле, что модель, которая на этапе целеполагания лишь «идеально предполагается», «гарантироваться», по нашему мнению, не может. Модель — это будущий образ результата, гарантировать который вряд ли возможно.

Помимо сказанного, в силу того, что субъектом правотворчества (как и нормотворчества) является не только государство, определять юридическую цель как гарантированную только лишь государством модель какого-либо явления, состояния или процесса также не вполне справедливо. По нашему мнению, юридическую цель государство прямо устанавливает только в отдельных случаях, в других случаях она им лишь санкционируется или допускается.

Следовательно, под юридической целью допустимо понимать созданную государством или им санкционированную модель социального состояния, процесса или явления, к достижению которой при помощи юридических средств стремятся участники правоотношений.

Ограничивать круг лиц, стремящихся к достижению указанной выше модели, указанием лишь на субъектов правотворческой и правореализационной деятельности, нет необходимости, так как ими могут быть все участники правоотношений, активность которых выходит за рамки правотворчества и реализации права. К примеру, к данным лицам можно отнести и субъектов правоинтерпретационного процесса, а также тех участников правоотношений, деятельность которых связана с формированием правовой доктрины, процессами правового воспитания, обучения и т.д. Важным фактором выступает то, что все они используют юридические средства и их деятельность направлена на достижение конкретной, установленной юридической цели.

К основным признакам юридической цели имеет смысл относить следующие.

Юридическая цель либо непосредственно устанавливается государством, либо им санкционируется (если данная цель определяется негосударственными субъектами). Юридические цели участников правоотношений либо совпадают с установленной или санкционированной государством целью, либо ей не противоречат. Сказанное позволяет вести речь о том, что достижение юридической цели обеспечивается государством.

Юридическая цель отражает наиболее значимые интересы личности, общества и государства. Вместе с тем юридические цели не всегда корреспондируют интересам и потребностям субъектов правоотношений, которые данными целями должны руководствоваться. Это во многом объясняется тем, что правовые нормы далеко не всегда способны отразить всю палитру интересов и целей как отдельных участников правоотношений, так и общества в целом [Субочев В.В., 2003: 8]; [Байтин М.И., 2000: 215], а многообразные интересы индивидов далеко не всегда могут «пробиться» в правовую материю и получить отражение в актах правотворчества или правоприменения [Субочев В.В., 2004: 70]. Также следует отметить, что юридические цели являются продуктом творчества индивидов, которые не всегда могут (или хотят) выявить и осознать общественные потребности и интересы. Это означает, что юридические цели в силу своей природы предполагают возможность манипулятивного их использования в процессе регулирования общественных отношений.

Юридическая цель устанавливает ориентиры развития общественных отношений, побуждая граждан к правомерному поведению и ограничивая поведение противоправное. Другими словами, юридическая цель может выполнять роль как правового стимула, так и правового ограничения, будучи координатором общественных отношений. Юридическая цель объективируется, находит непосредственное выражение в

правовых актах, выступает важным критерием оценки правомерности действий участников правоотношений. Несоответствие целей субъектов права нормативно установленным юридическим целям дает основания говорить либо о злоупотреблении правом, либо о противоправном поведении.

Очевидно, что вопросы классификации юридических целей весьма значимы, так как позволяют лучше понять их сущность и природу, а также рельефно определить их место в механизме правового регулирования. Прежде всего следует подчеркнуть, что юридические цели могут быть как целями, непосредственно закрепленными в правовых нормах, так и целями участников правоотношений. Смысл данной классификации в том, что она демонстрирует своеобразную дихотомию юридической цели: с одной стороны — это четко определенная или санкционированная, допускаемая государством модель состояния, явления или процесса, с другой — это цели, которые, не противореча санкционированной государством цели, устанавливаются самостоятельно участниками правоотношений, предполагая варианты их правомерного поведения.

Сказанное предполагает классификацию юридических целей по их иерархии, соподчиненности. Данное классификационное основание в той или иной интерпретации предлагается различными учеными. К примеру, А.И. Экимов полагает, что категория «правовая цель» не сводится к одной лишь цели в праве, поскольку каждая правовая норма, институт, отрасль права, да и право в целом имеют собственные цели и задачи [Экимов А.И., 1970: 56]. С данной позицией соглашаются А.В. Малько и К.В. Шундигов, подчеркивая, что «правовые цели целесообразно выделять не только на уровне элементов системы права, но и на уровне более простых по своей структуре правовых средств (права, обязанности, запреты, льготы, поощрения и др.), ибо каждое из них существует как один из элементов целесообразного механизма и направлено на решение своих специфических задач» [Малько А.В., Шундигов К.В., 2003: 54].

Таким образом, обоснованно говорить о следующей иерархии юридических целей: общеправовые цели; отраслевые (подотраслевые) цели; цели правовых институтов; цели правовых норм; цели отдельных правовых средств. Полагаем, что цели более низкого уровня не должны противоречить целям более высокого уровня, что и объясняет внутреннюю согласованность, логику и непротиворечивость механизма правового регулирования в целом.

Юридические цели классифицируют в зависимости от того, в каком правовом акте они находят выражение. Так, существуют юридические цели, содержащиеся в Конституции России, в законах и подзаконных

актах, актах органов местного самоуправления и локальных (корпоративных) нормативных актах. Юридические цели содержатся и в актах реализации права — в правоприменительных актах, а также в правовых актах участников правоотношений, направленных на соблюдение, исполнение и использование правовых предписаний.

Весьма значимы с точки зрения телеологической составляющей механизма правового регулирования правоинтерпретационные акты (акты толкования права), юридические цели которых, хотя и находятся в соподчиненности целям, установленным в нормативных или правоприменительных актах, тем не менее обладают известной самостоятельностью и играют значительную роль в правовом регулировании общественных отношений. Юридические цели содержатся также в правовой доктрине и отдельных доктринальных документах, в правовых актах, направленных на правовое воспитание, обучение и пропаганду.

В зависимости от сроков реализации (времени, необходимого для их достижения), юридические цели могут быть ближайшими и перспективными. Ближайшая юридическая цель отражает наиболее актуальные, серьезные текущие проблемы. Перспективная юридическая цель предполагает создание возможностей и условий своей реализации и ее достижение, как правило, связывается с достижением ближайших юридических целей.

Примеры ближайших юридических целей — создание механизмов государственного контроля за криптовалютными операциями, придание криптовалюте статуса цифровой валюты, запрет на использование криптовалюты для оплаты товаров и услуг на территории России и ряд других целей, вытекающих из Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. Вместе с тем данный Закон содержит и перспективные цели, к которым относятся оптимизация оборота цифровой валюты в государстве и совершенствование выпуска, учета и обращения эмиссионных ценных бумаг, возможность осуществления прав по которым удостоверяется цифровыми финансовыми активами.

Некоторые специалисты в качестве разновидности перспективной цели выделяют «конечную» юридическую цель, под которой подразумевается предельное благо, результат, который должен быть достигнут в итоге правового воздействия на общественные отношения [Пугинский Б.И., 2011: 23]; [Щербинин С.С., 2000: 12], когда право поможет находить оптимальные решения для регулирования общественных от-

¹ СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

ношений и тем самым предугадывать наиболее благоприятный и справедливый исход возможных социальных конфликтов [Зорькин В.Д., 2020: 15].

С подобной постановкой вопроса вполне можно согласиться, ведь правовое регулирование общественных отношений, безусловно, — деятельность целенаправленная, и она должна иметь «конечную», «главную» цель, которая может заключаться в нахождении оптимального баланса между свободой и справедливостью в обществе, в обеспечении оптимальных условий развития человека, надлежащего обеспечения его прав, свобод и законных интересов. Но следует помнить справедливое утверждение В.Д. Зорькина, что идеальное право (равно как и «идеальная конечная юридическая цель») «стало бы застывшей субстанцией, отрицающей саму себя, так как оно бы уже не могло реагировать на постоянные изменения общества, став, тем самым, скорее, тормозом развития» [Зорькин В.Д., 2020: 15]. Есть все основания полагать, что конечная юридическая цель, равно как и иные юридические цели, динамична, зависит от уровня развития общества, от его интересов, от вызовов и угроз, которые для него актуальны.

Юридические цели могут быть четко установленными, закрепленными в нормативных или иных правовых актах, а могут вытекать из общего смысла документа, подразумеваться. Так, в некоторых законах и подзаконных актах цели их принятия прямо указаны либо в их названиях (Федеральный закон от 31.07.2020 № 254-ФЗ «Об особенностях регулирования отдельных отношений в целях модернизации и расширения магистральной инфраструктуры и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²) в ред. от 30.12.2021, либо в соответствующих статьях актов (ст. 1 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» — «Цели настоящего Федерального закона»³). Иногда юридические цели подразумеваются субъектами правотворческого или правоприменительного процесса, не будучи отраженными в детальном формулировках. К примеру, Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»⁴ не формулирует целей его принятия, хотя очевидно что они заключаются в регламентации и оптимизации деятельности Правительства России, в совершенствовании его взаимодействия с иными органами государственной власти, в закреплении его полномочий в различных сферах на основе Конституции и т.д. Тот факт, что существование рассматрива-

² СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5013.

³ СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

⁴ СЗ РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.

емого Закона напрямую связано с действием ст. 114 Конституции, устанавливающей, что «порядок деятельности Правительства Российской Федерации определяется федеральным конституционным законом», еще не означает, что все цели данного ФКЗ установлены законодателем и формализованы в тексте акта.

В зависимости от возможностей и средств достижения юридические цели могут быть классифицированы на реальные и нереальные. Данная классификация условна, так как целеполагание — в любом случае попытка предвидения развития ситуации, что сопряжено как с недооценкой, так и переоценкой потенциала имеющихся или предполагаемых средств достижения целей.

В зависимости от адекватности, объективности отражения закономерностей развития общественных отношений юридические цели могут быть истинными и ложными. Истинная юридическая цель социально обусловлена, устанавливается на основе тщательного изучения ситуации и ее достижение объясняется осознанной необходимостью защиты индивидуальных, общественных или государственных потребностей и интересов. Постановка ложной юридической цели является следствием неверной оценки социальных реалий, потребностей общественного развития, интересов субъектов отношений, воплощением стремления использовать неверную мотивацию в правовом воздействии для достижения не тех целей, которые декларируются. Манипулятивное воздействие на общество, использование правовых средств в узкогрупповых интересах за счет масс объясняет значительное количество мнимых юридических целей в правовом регулировании в любом государстве.

Анализ нормативных и правоприменительных актов позволяет заключить, что в зависимости от функциональной нагрузки юридические цели могут классифицироваться также следующим образом.

Цели, направленные на развитие, совершенствование, стимулирование и активизацию процессов, отношений и институтов. К примеру, в Законе «О рекламе» среди его целей указывается на развитие рынков товаров, работ и услуг на основе соблюдения принципов добросовестной конкуренции⁵. Закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» к целям Закона относит экономическое развитие Арктики, стимулирование и активизацию инвестиционной и предпринимательской деятельности в указанной зоне России⁶.

⁵ 5 СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232. Ст. 1.

⁶ Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 29. Ст. 4503. Ст. 1.

Цели, направленные на создание обеспечительных механизмов и защиту каких-либо процессов, условий, прав, свобод и законных интересов граждан. Таковы «обеспечение единства экономического пространства»⁷, «обеспечение государственной и общественной защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц»⁸, «обеспечение производства продукции пчеловодства и сохранение пчел»⁹, «защита прав и законных интересов граждан, общества и государства путем создания правового механизма противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем»¹⁰ и т.д.

Цели, направленные на предупреждение или недопущение возникновения негативных ситуаций, на ограничение или снижение определенной активности, возмещение ущерба. Таковы «предупреждение возникновения и развития чрезвычайных ситуаций», «снижение размеров ущерба», «ликвидация чрезвычайных ситуаций»¹¹.

Цели, направленные на определение порядка совершения каких-либо действий, создание понятных алгоритмов поведения в каких-либо ситуациях. В качестве примера приведем «определение порядка выплаты компенсаций и предоставления иных форм возмещения ущерба инвесторам» и т.д.¹²

Помимо сказанного, юридические цели можно разделить на цели-стимулы и цели-ограничения, цели-принципы и цели-механизмы.

Рассмотренные выше классификационные основания юридических целей свидетельствуют не только об их разнообразии, но также и о том, что они образуют систему. Системность юридических целей проявляется в том, что они находятся во взаимосвязи и взаимозависимости, могут быть изображены в качестве иерархии, развиваются в единстве с динамикой правового регулирования. Системе юридических целей присущи и другие свойства, имманентные любой системе: целостность и взаимо-

⁷ СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232. Ст. 1.

⁸ Федеральный закон от 05.03.1999 № 46-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1999. № 10. Ст. 1163. Ст. 1.

⁹ Федеральный закон от 30.12.2020 № 490-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О пчеловодстве в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 1 (часть I). Ст. 29. Ст. 1.

¹⁰ Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3418. Ст. 1.

¹¹ Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3648. Ст. 3.

¹² Федеральный закон от 05.03.1999 № 46-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1999. № 10. Ст. 1163. Ст. 1.

действие элементов, структурность, множественность описаний, взаимодействие системы и внешней среды.

Отмеченные свойства данной системы предопределяют как взаимовлияние целей, так и наличие целей, направленных на устранение, изменение или трансформацию уже существующих целей. Это во многом объясняет имманентность манипулирования юридическими целями правовому регулированию общественных отношений.

3. Манипулирование юридическими целями как научная категория

Из предложенной выше дефиниции юридической цели следует вывод, что манипулирование ею может осуществляться как самим государством в лице его компетентных органов, так и иными участниками правоотношений, данную цель устанавливающими.

Сущность манипулирования юридическими целями в том, чтобы трансформировать, изменить поведение участников правоотношений в интересах субъекта, данное манипулирование осуществляющего, путем формулирования модели состояния, процесса или явления, достижение которой предполагается посредством использования набора юридических средств. Этим субъектом может выступать государство в лице правотворческих либо правоприменительных органов, либо участники правоотношений, чьи юридические цели не должны противоречить нормативно установленным ориентирам.

Содержание юридических целей предопределяет тот факт, что манипулирование ими может осуществляться посредством: установления (формулирования) таких юридических целей, которые не основаны на объективном анализе потребностей и интересов участников правоотношений, но полностью отвечают запросам субъекта управления (манипулятора) и к достижению которых объект манипуляционного воздействия будет мотивироваться при помощи различных средств, технологий и установок; использования социально-обусловленных, адекватно установленных, грамотно сформулированных и отражающих потребности и интересы участников правоотношения целей в интересах субъекта управления (манипулятора), позволяя последнему оправдывать осуществляемые действия (используемые юридические средства) необходимостью достижения данной цели.

Примером первой формы манипулирования юридическими целями является ст. 219.1 Налогового кодекса Российской Федерации, введенная Законом от 28.12.2013 № 420-ФЗ «О внесении изменений в статью 27.5-3 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» и части первую и вто-

рую Налогового кодекса Российской Федерации»¹³, предусматривающая инвестиционные налоговые вычеты с налогоплательщика, внесшего денежные средства на индивидуальный инвестиционный счет.

При принятии указанной нормы декларировалась такая цель, как стимулирование инвестиционной активности граждан и привлечение их денежных средств для финансирования прибыльных инвестиционных проектов. Вместе с тем данная цель была изначально сформулирована не столько чтобы содействовать налогоплательщикам в получении дополнительных инвестиционных доходов, столько для привлечения их временно свободных денежных средств на индивидуальные инвестиционные счета, на которые не распространялось требование ЦБ РФ об обязательном страховании вкладов, предусмотренное ст. 38 Закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»¹⁴ и ведение которых предусматривало компенсацию банку услуг по доверительному управлению данным счетом. Максимальная сумма налогового вычета, которым в данном случае привлекаются клиенты, не может превышать 400.000 руб. в год, что с учетом ставки подоходного налога составляет 52.000 руб., которые клиент получит на руки. Однако для получения данного налогового вычета он должен уплатить подоходный налог в таком же размере, иначе сумма налогового вычета уменьшится пропорционально части уплаченного подоходного налога.

Другими словами, замысловатая схема, предложенная законодателем, выглядит так: клиент финансирует рискованные и по умолчанию санкционированные государством инвестиционные проекты, которые ему предлагаются банком, без гарантий дохода со своих вложений, без страхования данного вклада, компенсируя банку расходы по доверительному управлению индивидуальным инвестиционным счетом и к тому же самостоятельно оплачивая налоговый вычет, который он в итоге получает от государства. Следует полагать, что подобная схема была разработана лишь для привлечения денежных средств граждан для финансирования определенных инвестиционных проектов и временного уменьшения денежной массы в обращении в комплексе с другими антиинфляционными мерами, но не в целях увеличения доходности размещенных налогоплательщиками средств.

В качестве примера второй формы манипулирования юридическими целями могут служить отдельные положения Закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»¹⁵. Так, в п. 2 ст. 1 говорится, что целями

¹³ СЗ РФ. 2013. № 52 (часть I). Ст. 6985.

¹⁴ СЗ РФ. 1990. № 6. Ст. 492.

¹⁵ СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3434.

Закона являются «обеспечение единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, свободы экономической деятельности в Российской Федерации, защита конкуренции и создание условий для эффективного функционирования товарных рынков», что развивает положения, предусмотренные ч. 1 ст. 8 Конституции.

Используя данные адекватные, соответствующие социальным реалиям и грамотно сформулированные цели, ст. 26.1 и ст. 27 Закона тем не менее жестко регламентируют деятельность крупного бизнеса, загоняя его деятельность в узкие рамки. Так, в частности, Закон обязывает его субъектов получать предварительное согласие антимонопольного органа на целый ряд действий, к числу которых относятся слияние коммерческих организаций, присоединение одной или нескольких коммерческих организаций, слияние финансовых организаций или присоединение одной или нескольких таких организаций к другой финансовой организации и др.

В связи с этим встает ряд вопросов: оправдано ли жесткое прямое государственное регулирование деятельности крупного бизнеса, насколько антимонопольная служба способна оценивать риски для рыночной конкуренции в каждом случае и как перечисленные меры помогают бороться с субъектами, уже действительно монополизировавшими различные сферы российского рынка.

Есть основания полагать, что, преследуя ряд безусловно значимых для государства интересов и соответствующим образом закрепляя их в нормативном акте, законодатель тем не менее «прикрылся» декларированием благих целей ради осуществления непопулярных мер государственного регулирования деятельности субъектов крупного бизнеса. Вместе с тем данная цель, которая, по сути, достигается принятием рассматриваемого Закона, изначально в нем не декларируется и не закрепляется. Это и есть то, что в рассматриваемом контексте поддается толкованию в качестве манипулирования юридическими целями.

Манипулирование юридическими целями в любом случае реализуется ради интересов манипулятора посредством причинения ущерба интересам его контрагентов. Однако если первая из указанных форм предполагает манипулирование в процессе самого целеполагания, при формулировании юридической цели и мотивации к ее достижению адресата, то вторая форма означает использование «готовой», уже созданной юридической цели как средства достижения скрытых, неявных целей манипулятора. В этом заключается диалектика целей и средств правового регулирования, которая находит отражение в манипулировании данными категориями.

Обозначенные формы манипулирования юридическими целями демонстрируют его дуалистическую природу, которая делает прикладной анализ рассматриваемого феномена более сложным и интересным.

4. Признаки манипулирования юридическими целями как обоснование его правомерности

Имеет смысл выделять следующие признаки манипулирования юридическими целями.

Манипулирование юридическими целями — форма правомерного поведения, хотя достижение целей манипулятора осуществляется за счет и в ущерб интересам объекта манипулирования. Формальная правомерность политико-правового манипулирования придает актуальность аспектам соотношения права и морали, права и справедливости, права и целесообразности, актуализируя дискуссию о «правовом законе», о том, может ли быть закон или иной правовой акт, принятый с соблюдением всех установленных критериев, признан неправовым и, если все-таки может, то какова должна быть судьба этого нормативно-правового акта и последствия для тех, кто его нарушает.

Специфика манипулирования юридическими целями в том, что данная активность не должна нарушать действующих правовых норм, и формулирование манипулятивных целей, равно как и использование социально-обусловленных целей в интересах манипулятора, не должно противоречить действующему законодательству.

Несмотря на все более активное обращение законодателя к термину «манипулирование», не всякое его использование в нормативных актах следует трактовать именно как манипулирование юридическими целями. Ярким примером тому служит ст. 185.3 Уголовного кодекса Российской Федерации «Манипулирование рынком». В данном случае манипулирование рынком — целый ряд незаконных действий субъекта, прямо запрещенных под угрозой наказания и, очевидно, не являющихся манипулированием юридическими целями.

Сказанное позволяет прийти к выводу, что манипулирование как вид управленческой деятельности может быть как законной, так и противоправной активностью, составляя конкретное правонарушение, однако манипулирование юридическими целями (равно как и юридическими средствами, т.е. манипулирование, осуществляемое посредством юридических целей) является правомерной формой поведения субъекта правоотношения.

Манипулирование юридическими целями предполагает использование как собственно юридических, так и политических, экономических, психологических, информационных и других средств, ресурсов и технологий при организации и осуществлении воздействия на поведение участников общественных отношений. Неправильная оценка политической ситуации, общественных настроений, экономических ресурсов,

требуемых для достижения поставленных целей, психологических особенностей объекта управления, неверно расставленные акценты в информационном фоне воздействия способны существенно снизить результативность манипулятивных технологий.

Как и манипулирование в целом, манипулирование юридическими целями имеет завуалированный характер, неявным образом расставляя стимулы и ограничения для требуемой координации объекта управления.

Субъекты манипулирования юридическими целями используют участников правоотношений как средство достижения собственных целей, «даже если результат манипуляционного воздействия, при определенном стечении обстоятельств, может совпадать с истинными интересами и потребностями манипулируемых» [Малько А.В., Субочев В.В., 2021: 168–169]. Объект манипулятивного воздействия, вступая в правоотношение, не имеет понятия об истинных целях субъекта манипуляции, однако действует без открытого принуждения, в соответствии со своими интересами (которые отчасти были сформированы манипулятором), будучи убежденным в обоснованности и полезности предпринимаемых ради достижения цели усилий.

Сформулированная манипулятором юридическая цель должна соответствовать интересам объекта манипулятивного воздействия, создавать реализации его правомерных стремлений режим наибольшего благоприятствования, мотивировать и стимулировать объект управления. Манипулирование юридическими целями учитывает сложившийся в обществе эмоциональный фон (или создает таковой), чтобы цели участников правореализационной практики также отражали императивные целевые установки субъектов правотворческой, правоприменительной или правоинтерпретационной деятельности.

Манипулирование юридическими целями является полисубъектной деятельностью, так как в качестве субъектов манипулятивного воздействия могут выступать как органы публичной власти, так и все остальные участники правотворческого, правореализационного и правоинтерпретационного процессов, ведь юридические цели — это также и цели субъектов правоотношений, ради достижения которых они в данные правоотношения вступают и используют различные юридические средства.

Сказанное позволяет заключить, что манипулирование юридическими целями — распространенная форма правомерного поведения (которая, опираясь на современные технологии, получает все большее распространение), что тем не менее не означает, что манипулятивные формы воздействия на общественные отношения необходимо усматривать везде и всегда.

Полисубъектность как признак манипулирования юридическими целями лишь призвана подчеркнуть, что данная разновидность правомерного поведения не является исключительной прерогативой специальных, заведомо определенных субъектов, но является способом координации поведения объекта управления, к которому могут прибегнуть (и зачастую прибегают) различные участники правоотношений.

Манипулирование юридическими целями реализуется в процессе правотворческой, правореализационной (включая все формы реализации права) и правоинтерпретационной деятельности. Помимо сказанного, субъекты, осуществляющие правовое воспитание, правовое обучение, пропаганду, информационное воздействие на общественные отношения также могут манипулировать юридическими целями ради формирования требуемого поведения объектов управления.

Манипулирование юридическими целями ведет к юридическим последствиям, связанным как с возникновением, изменением или прекращением правоотношений, так и с последствиями, которые явились результатом конкретного правоотношения [Красавчиков О.А., 1958: 78]. Вместе с тем манипулирование юридическими целями может включать в себя и не только юридические последствия, приводя, например, к падению рейтингов органов публичной власти, снижению доверия к преобразованиям, формированию негативного общественного мнения относительно фактов, событий и т.д. Тем не менее именно возникновение юридических последствий является сущностным признаком манипулирования юридическими целями, отличающим данный вид манипулятивного воздействия на поведение участников общественных отношений от иных видов манипуляций.

В силу сказанного манипулирование юридическими целями — это осуществляемая при помощи скрытой тактики или стратегии форма правомерного поведения, заключающаяся в постановке или использовании юридических целей в интересах субъекта управления (манипулятора) вопреки истинным потребностям и интересам объекта управления (манипулируемых).

5. Манипулирование юридическими целями: pro et contra

Манипулирование юридическими целями — противоречивое явление, воплощающее в себе диалектику интересов личности, общества и государства.

Негативные черты манипулирования юридическими целями проявляются в том, что оно: трансформирует потребности и интересы участ-

ников правоотношений в угоду субъекту управления, вводит объект манипулирования в заблуждение; препятствует функционированию механизма правового регулирования, так как изначально видоизменяет целевые установки, ради воплощения которых в действительности существуют его последовательные этапы (элементы, стадии); ведет к использованию неэффективных юридических средств, направленных лишь, по сути, на одностороннее удовлетворение интересов субъекта манипулирования; подрывает доверие участников правоотношений к праву, к юридическим средствам реализации своих интересов, так как результаты достижения манипулятивных целей, как правило, не устраивают объект манипулирования в силу их неспособности отстаивать его истинные потребности и интересы; создает угрозу информационной и национальной безопасности государства, так как постановка псевдоцелей, равно как и использование социально-обусловленных целей для прикрытия манипуляций, является серьезным фактором дестабилизации общества.

Вместе с тем манипулирование юридическими целями обладает и целым рядом мнимых плюсов, придающих востребованность и актуальность данной форме правомерного поведения. Манипулирование юридическими целями: является своеобразным ответом на запрос общества, так как в определенных случаях позволяет осуществлять преобразования «мягким», адекватным ожиданиям субъектов права способом, не вызывая отторжения или негативной реакции большинства; опирается на сложившиеся в обществе настроения, являясь социально-обусловленным способом воздействия на потребности и интересы участников правоотношений; соответствует действующему законодательству; позволяет реализовать непопулярные решения, минимизировать репутационные потери субъекта управления; повышает эффективность управления и позволяет добиться поставленных целей с наименьшими трудностями, рисками и затратами.

Однако перечисленные плюсы манипулирования юридическими целями являются мнимыми, создающими фиктивную реальность для участников правоотношений, подрывающими потенциал права и его способность поддерживать баланс между интересами личности, общества и государства.

«Неизбежное» манипулирование юридическими целями, наложенное на нелинейность развития и постоянное усложнение общественных отношений, в конечном итоге может привести к утверждению понятия о самом человеке «не как об «индивиде», т.е. о субъекте целостном, уникальном, атомарном, обладающим своим собственным специфическим бытием, а как о «дивиде» — фрагментированном, разорванном, лишен-

ном целостности человеку новейшего времени». Сказанное чревато и изменением самого отношения к праву, выражающемуся в симулятизации, при которой право не воспринимается как что-то серьезное, наполненное содержанием [Алешин Д.А., 2014: 61–62], а область юридического превращается «в систему нормативных знаков, не имеющих связи с жизнью» [Павлов В.И., 2010: 21].

Манипулирование юридическими целями вносит вклад в оторванность правового регулирования от потребностей и интересов участников правоотношений, тем самым снижая его эффективность.

Заключение

Хотя манипулирование юридическими целями является правомерной формой активности, содействует реализации интересов одних субъектов (манипуляторов) и формально не противоречит интересам других (манипулируемых), оно способно вызвать дисбаланс в обществе, дезориентировать участников правоотношений и существенно снизить действенность правового регулирования.

Вместе с тем значимость социально-обусловленного и грамотного процесса целеполагания в сфере правового регулирования общественными отношениями трудно переоценить. Юридические цели, не отвечающие потребностям и интересам субъектов правоотношений в результате их неграмотной постановки, неумелого формулирования, равно как и манипулирования ими, ведут к использованию заведомо непригодных юридических средств и не позволяют праву полноценно использовать свой регулятивный потенциал.

Сказанное, в свою очередь, имеет следствием не только недовольство участников правоотношений, их неспособность полноценно реализовать свои субъективные права, свободы и законные интересы, но и угрозу безопасности государства в целом.

Список источников

1. Алешин Д.А. Социальная контекстуальность права: социальные вызовы и юридические последствия // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2014. № 4. С. 57–66.
2. Байтин М.И. О современном нормативном понимании права / Ежегодник Российского права. М.: Норма, 2000. С. 210–218.
3. Бессонов Б.Н. Идеология духовного подавления. М.: Мысль, 1971. 294 с.
4. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: МГУ, 1997. 344 с.

5. Зорькин В.Д. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6. С. 7–19.
6. Казимирчук В.П. Право и методы его изучения. М.: Юридическая литература, 1965. 204 с.
7. Калинич В.С. Социальное манипулирование в условиях пандемии // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 164–173.
8. Кихтан В.В., Мамиева Б.Ю. К вопросу о манипулировании в современных СМИ // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2018. № 2. С. 236–242.
9. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. 183 с.
10. Малько А.В., Субочев В.В. Политико-правовое манипулирование как психологический феномен и научная категория // Психология и право. 2021. № 1. С. 163–180.
11. Малько А.В., Шундииков К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов: Саратов. гос. акад. права, 2003. 294 с.
12. Моисеева А.В. К вопросу о речевом манипулировании // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 2. С. 43–45.
13. Нудель С.Л. Манипулирование рынком: уголовно-правовая характеристика // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 1. С. 14–19.
14. Павлов В.И. Смерть субъекта права, или к вопросу о необходимости разработки новой концепции «правового человека» // Философия права. 2010. № 3. С. 15–23.
15. Пугинский Б.И. Инструментальная теория правового регулирования // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 2011. № 3. С. 22–31.
16. Столяренко А.М., Сердюк Н.В. и др. Психологические аспекты деструктивного информационно-психологического воздействия // Психология и право. 2019. № 4. С. 75–89.
17. Субочев В.В. Политико-правовое манипулирование как основа управления обществом в эпоху постправды // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 29–43.
18. Субочев В.В. Право и его роль в обеспечении диалектического единства личных, общественных и государственных интересов // Право и политика. 2003. № 12. С. 4–11.
19. Субочев В.В. Философско-логические аспекты диалектической взаимосвязи интересов и права // Философия права. 2004. № 4. С. 65–73.
20. Татаринов К.А., Музыка С.М. Психологическое манипулирование в рекламе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. № 3. С. 179–182.
21. Шейнов В.П. Манипулирование и защита от манипуляций. СПб.: Питер, 2022. 384 с.
22. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980. 326 с.
23. Щеглов А.В. Социальная стереотипизация бренда: манипулирование сознанием // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 335–339.
24. Щербинин С.С. Проблема цели в теории государства: дис. ... к. ю. н. М., 2002. 218 с.

25. Экимов А.И. Категория цели в науке права // Философские проблемы государства и права. Л.: ЛГУ, 1970. С. 51–58.
26. Dijk T. Discourse and Manipulation. *Discourse and Society*, 2006, no. 2, pp. 359–383.
27. Dijk T. Multidisciplinary CDA: A Plea for Diversity In: *Methods of Critical Discourse Analysis*. R. Wodak (ed.). London: Sage, 2001, pp. 95–120.
28. Goodin R. *Manipulatory Politics*. Urbana: University of Illinois Press, 1982. 250 p.
29. Massa L. Fake news and Media manipulation: Italian and European remedies. January 1, 2022. Available at: URL: <https://ssrn.com/abstract=4022555> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4022555> (accessed: 15.01. 2023)
30. Sirazetdinova M., Stoletov A. et al. Manipulation, Individuation, and the Self. *Cogito*. 2021, no. 4, pp. 103–123.
31. Wilson P., Near D., Miller R. Machiavellianism: a synthetic of the evolutionary and psychological literatures. *Psychological Bulletin*, 1996, no. 2, pp. 114–118.

References

1. Aleshin D.A. (2014) Social contextuality of law: social challenges and legal consequences. *Vestnik RUDN*=Bulletin of RUDN, no. 4, pp. 57–66 (in Russ.)
2. Baitin M.I. (2000) On the modern normative understanding of law. *Ezhegodnik Rossiyskogo prava*=Yearbook of Russian Law 2000. Moscow: Norma, pp. 210–218 (in Russ.)
3. Bessonov B.N. (1971) *The ideology of spiritual suppression*. Moscow: Mysl, 294 p. (in Russ.)
4. Dijk T. (2006) Discourse and Manipulation. *Discourse and Society*, no. 2, pp. 359–383.
5. Dijk T. (2001) Multidisciplinary CDA: a plea for diversity. In: *Methods of critical discourse analysis*. R. Wodak (ed.). London: Sage, pp. 95–120.
6. Dotsenko E.L. (1997) *Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection*. Moscow: University Press, 344 p. (in Russ.)
7. Ekimov A.I. (1970) The category of purpose in the science of law. In: *Philosophical issues of state and law*. Leningrad: University Press, pp. 51–58 (in Russ.)
8. Goodin R. (1982) *Manipulatory politics*. Urbana: University of Illinois Press, 250 p.
9. Kalinich V.S. (2021) Social manipulation in a pandemic. *Social'no-gumanitarnye znaniya*=*Social Humanitarian Knowledge*, no. 1, pp. 164–173 (in Russ.)
10. Kazimirchuk V.P. (1965) *Law and methods of its study*. Moscow: Juridicheskaya literatura, 204 p. (in Russ.)
11. Kikhtan V.V., Mamieva B. Yu. (2018) Manipulation in modern media. *Vestnik Volzhskogo universiteta*=Bulletin of Volga University, no. 2, pp. 236–242 (in Russ.)
12. Krasavchikov O.A. (1958) *Legal facts in the Soviet civil law*. Moscow: Gosyurizdat, 183 p. (in Russ.)
13. Malko A.V., Shundikov K.V. (2003) *Goals and means in law and legal policy*. Saratov: State Law Academy, 294 p. (in Russ.)
14. Malko A.V., Subochev V.V. (2021) Political and legal manipulation as a psychological phenomenon and academic category. *Psihologiya i pravo*=Psychology and Law, no. 1, pp. 163–180 (in Russ.)

15. Massa L. (2022) Fake news and media manipulation: Italian and European remedies. Available at: URL: SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4022555> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4022555> (accessed: 15.01.2023)
 16. Moiseeva A.V. (2022) On the speech manipulation. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*=International Journal of the Humanities and Natural Sciences, no. 2, pp. 43–45 (in Russ.)
 17. Nudel S.L. (2012) Market manipulation: criminal law characteristics. *Nauchny vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*=Bulletin of Omsk Academy of Internal, no. 1, pp. 14–19 (in Russ.)
 18. Pavlov V.I. (2010) Death of subject of law, or need to develop a new concept of “legal man”. *Filosofiya prava*=Philosophy of Law, no. 3, pp. 15–23 (in Russ.)
 19. Puginsky B.I. (2011) Instrumental theory of legal regulation. *Vestnik MGU*=Bulletin of Moscow State University, no. 3, pp. 22–31 (in Russ.)
 20. Schiller G. (1980) *Manipulators of consciousness*. Moscow: Mysl, 326 p. (in Russ.)
 21. Shcheglov A.V. (2019) Social stereotyping of the brand: manipulation of consciousness. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti*=Bulletin of Economic Security, no. 3, pp. 335–339 (in Russ.)
 22. Shcherbinin S.S. (2002) Issue of purpose in the theory of state. Candidate of Juridical Sciences Thesis. Moscow, 218 p. (in Russ.)
 23. Sheinov V.P. (2022) *Manipulation and protection against manipulation*. Saint Petersburg: Piter Press, 384 p. (in Russ.)
 24. Sirazetdinova M., Stoletov A. et al. (2021) Manipulation, individuation, and the self. *Cogito*, no. 4, pp. 103–123.
 25. Stolyarenko A.M., Serdyuk N.V. et al. (2019) Psychological aspects of destructive information-psychological influence. *Psihologiya i pravo*=Psychology and Law, no. 4, pp. 75–89 (in Russ.)
 26. Subochev V.V. (2003) Law and its role in ensuring dialectical unity of personal, public and state interests. *Pravo i politika*=Law and Politics, no. 12, pp. 4–11 (in Russ.)
 27. Subochev V.V. (2004) Philosophical and logical aspects of the dialectical relationship of interests and law. *Filosofiya prava*=Philosophy of Law, no. 4, pp. 65–73 (in Russ.)
 28. Subochev V.V. (2019) Political and legal manipulation as a basis for social management in the era of post-truth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*=Tomsk State University Journal of Law, no. 34, pp. 29–43 (in Russ.)
 29. Tatarinov K.A., Muzyka S.M. (2020) Psychological manipulation in advertising. *Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya*=Azimuth of research: pedagogy and psychology, no. 3, pp. 179–182 (in Russ.)
 30. Wilson P. et al. (1996) Machiavellianism: a synthetic of the evolutionary and psychological literatures. *Psychological Bulletin*, no. 2, pp. 114–118.
 31. Zorkin V.D. (2020) Providentia, or about the future law in the era of digitalization. *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, no. 6, pp. 7–19 (in Russ.)
-

Информация об авторе:

М.А. Куликов — кандидат юридических наук, докторант.

Information about the author:

M.A. Kulikov — Candidate of Sciences (Law), Doctorate Student.

Статья поступила в редакцию 11.05.2022; одобрена после рецензирования 03.11.2022; принята к публикации 04.04.2023.

The article was submitted to editorial office 11.05.2022; approved after reviewing 03.11.2022; accepted for publication 04.04.2023.